

Екатерина Мордвинцева

**Граф в носках,
или Лекарство от богатства**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
М79

Мордвинцева Е.

М79 Граф в носках, или Лекарство от богатства / Екатерина Мордвинцева. – М.: Литнет, 2026. – 210 с.

ISBN 978-5-524-00368-3

Меня зовут Лилиана, я – помощница лекаря. Я не верю в сказки и не жду принцев.

Но однажды ночью в мою дверь постучали. На пороге стоял перепуганный парень с бесчувственным другом на плече. У того была пробита голова, на ногах – дурацкие носки, а в кармане – три медяка. Я спасла ему жизнь, не взяв ни монеты.

Я думала, что больше никогда его не увижу.

Но он вернулся...

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-524-00368-3

© Литнет, 2026

© Мордвинцева Е., 2026

Глава 1

– Ты похож на пугало, у которого случился нервный срыв, – сообщил Теодор, критически оглядывая друга с ног до головы. – Нет, пожалуй, я погорячился. Пугало выглядит более респектабельно. У пугала хотя бы шляпа держится прямо.

Граф Аластэр Эдгар Вальмонт де Рошфор, наследник одного из богатейших графств северного тракта, обладатель фамильного замка с двенадцатью башнями и коллекции магических артефактов, которую можно было продать и купить небольшое королевство, стоял посреди своих личных покоев и пытался унять дрожь в руках. Он смотрел на себя в огромное зеркало в позолоченной раме и не узнавал собственного отражения.

Дрожь была вызвана не страхом и не холодом. Дрожь была вызвана рубашкой, которую он на себя напялил.

– Она кусается! – пожаловался Аластэр, дергая плечом и пытаясь нащупать источник дискомфорта. – Эта ткань... она же деревянная? У неё есть зубы? Мне кажется, она пытается меня съесть!

– Это холстина, друг мой, – наставительно произнес Теодор, с видом знатока развалившись в кресле, обтянутом бархатом. Он уже полностью облачился в «народный» костюм и чувствовал себя в нём на удивление комфортно. – Из неё крестьяне штаны шьют. И рубахи. И мешки для картошки, кажется, тоже. Выглядит аутентично, правда? Между прочим, я специально ездил на рынок, чтобы купить эту ткань. Пришлось объяснять продавцу, зачем лорду холстина. Сказал, что буду подтирать полы в конюшне, чтобы почувствовать быт простых людей.

– И он поверил?

– Он решил, что я окончательно рехнулся. Но деньги взял. Куда он денется.

Аластэр снова покосился на себя в зеркало. Из дорогой рамы в позолоте на него смотрел оборванец с благородной осанкой и со-

вершенно потерянным выражением лица. Рубаха мешком висела на плечах, штаны были подвязаны обычной веревкой (потому что ремень, как выяснилось, у простых людей тоже должен быть простым, а простого ремня в гардеробе графа не нашлось – все ремни были расшиты золотом или серебром, а один так вообще инкрустирован драгоценными камнями), а сапоги...

– Тэд, – голос Аластэра дрогнул, – почему мои сапоги выглядят так, будто их жевала корова, а потом выплюнула, потом снова жевала, и снова выплюнула, а потом по ним прошёлся пьяный трактирщик?

– Потому что я их час песком натирал! – гордо объявил Теодор, вскакивая с кресла и подходя к другу, чтобы полюбоваться делом своих рук. – И водой поливал. А потом сушил у камина, чтобы кожа потрескалась. А потом ещё раз песком! Я, знаешь ли, выложился по полной. Даже ногти сломал. Гламурненько, правда? Смотри, какие потёртости! Какая благородная старость!

– Это не гламурненько, это... – Аластэр замялся, подбирая цензурное выражение. – Это катастрофа. Мои сапоги стоят больше, чем годовой доход этой деревни, в которую мы едем! Если бы моя мать увидела, что я с ними сделал, она бы вычеркнула меня из завещания. Она бы усыновила эти сапоги и оставила всё им!

– Вот именно! Поэтому мы их и состарили, – Тэд похлопал друга по плечу, стараясь не рассмеяться при виде его страдальческого выражения лица. – Ни один уважающий себя разбойник не позарится на такую обувь. Скорее уж подаст милостыню, глядя на такое убожество. А если и позарится, то из жалости – пристрелит, чтобы не мучился.

Аластэр вздохнул и отошёл от зеркала. Идея отправиться в соседний город инкогнито принадлежала ему. После двадцати шести лет жизни в золотой клетке, после бесчисленных уроков этикета, танцев, фехтования, истории, географии, магии и боги знают чего ещё, ему вдруг отчаянно захотелось узнать, как живут те самые люди, которыми он, по идее, должен будет управлять.

Философский интерес, так сказать. Погружение в народные массы. Эмпатия к простому люду.

Вчера вечером, сидя у камина с бокалом выдержанного вина, он прочитал трактат «О единении правителя с народом» и проникся. Ему казалось, что стоит ему надеть простую одежду, выйти в город, поговорить с крестьянами о насущном, и он сразу же станет мудрым, справедливым и невероятно популярным правителем.

Теодор же, его лучший друг и по совместительству лорд без особых занятий, ухватился за эту идею по другой причине. Теодору было скучно. Теодору надоели балы, приёмы и бесконечные разговоры о политике.

Теодор хотел приключений. Теодор надеялся, что в простом народе его ждут драки, пьянки и, возможно, опасные знакомства с мужьями местных красавиц.

– Слушай, – Аластэр повертел в руках веревку, которой были подвязаны штаны, – а это не развяжется? Я чувствую себя крайне ненадёжно.

– Развяжется – подвяжешь снова. Это развивает мелкую моторику, – Тэд хлопнул в ладоши, давая понять, что сборы окончены. – Так, дай угадаю. Ты взял с собой денег?

– Разумеется, – Аластэр похлопал себя по поясу и нащупал увесистый кошель. Он специально положил его побольше, чтобы хватило на все нужды. – Золотые. На всякий случай.

– Золотые?! – Теодор закатил глаза к потолку, расписанному сценами охоты, где обнажённые нимфы убегали от сатиров. – Аластэр, дружище, ты собираешься расплачиваться золотом за кружку кислого эля в трактире «Три хромых гуся»? Тебя либо убьют сразу, либо сдадут городской страже как подозрительного типа, сбежавшего из дворца. А скорее всего – сначала убьют, а потом сдадут страже, чтобы труп опознали.

– А что нужно брать? – искренне удивился Аластэр. В его мире существовали кредитные письма, счета и казначеи, которые решали

все финансовые вопросы. Сами деньги он видел редко, в основном как часть интерьера.

– Медяки. Самые мелкие, какие найдешь. И серебро, но чуть-чуть. И не блестящее, а потёртое, чтобы не вызывало подозрений. Сейчас я у своего камердинера стрельну. Он у меня мужик запасливый, у него в заначке всякого добра полно.

Теодор вышел в коридор и через минуту вернулся с торжествующим видом и горстью мелочи.

– Держи. Тут на неделю скромной жизни хватит. Если не шиковать. И не покупать золотых сапог.

Через десять минут напряженных поисков «мелочи для нищесбродов» (как это назвал Тэд), друзья были экипированы. На поясе у Аластэра висело целых три медяка и одно серебро с погнутым краем, которое Тэд одолжил у конюха. Золотой кошель пришлось спрятать в тайный карман, который специально для таких случаев был пришит к подкладке.

– Идем пешком? – с надеждой спросил Аластэр, вспоминая о мозолях, которые, по слухам, появляются у тех, кто много ходит. Он, конечно, занимался фехтованием и верховой ездой, но пешие прогулки на дальние расстояния не входили в программу воспитания наследника.

– Ты с ума сошел? – Тэд посмотрел на друга как на умалишённого. – Пешком до города – полдня топать. По грязи, по колдобинам, мимо полей, где пахнет так, что глаза слезятся. Найдем телегу.

– Телегу? – голос Аластэра дрогнул. Он представлял себе телеги как нечто деревянное, скрипучее и предназначенное для перевозки сена или, того хуже, свиней.

– Самую простую. С сеном. Будешь сидеть и жевать травинку. Философствовать с возницей о видах на урожай. Лепота! Представляешь, как это аутентично?

– А почему мы не можем взять экипаж? – робко поинтересовался Аластэр.

– Самый простой. Без гербов.

– Потому что в экипаже ездят господа, – терпеливо объяснил Тэд, как маленькому. – А мы теперь не господа. Мы простые парни, которые ищут счастья в городе. У простых парней нет экипажей. У простых парней есть ноги или, в лучшем случае, телега.

Аластэр вздохнул ещё раз. Этот вздох начинал входить у него в привычку.

Телега, которую они наняли у околицы, оказалась именно такой, как описывал Тэд: деревянной, скрипучей и наполненной остатками сена, которые щекотали шею и норовили заползти за шиворот. Но были и детали, о которых Тэд умолчал. Например, запах. Это был сложный, многослойный аромат, в котором смешивались ноты старого сена, лошадиного пота, навоза, прелой соломы и чего-то ещё, кислого и неуловимого.

– Чем это пахнет? – шепотом спросил Аластэр, когда они устроились на сене.

– Жизнью, – философски заметил Тэд. – Настоящей, непричесанной жизнью. Нюхай и запоминай.

Возница, дед с лицом, изрезанным морщинами как старая карта, подозрительно косился на странную парочку. Он был одет ещё проще, чем они, и явно не понимал, почему два здоровых лба не могут дойти до города пешком, а нанимают телегу.

– Вы, ребята, чьи будете? – прокричал он, когда телега тронулась и закрипела всеми своими сочленениями.

– Местные мы, – бодро соврал Тэд. – В город на ярмарку едем, товар продавать.

– А товар где? – дед прищурился, сверля Тэда взглядом.

Тэд замялся. Аластэр пришел на помощь, удивляясь собственной находчивости:

– Денег нет на товар. Едем прицениться. Узнать, что нынче в цене. Может, наймемся к кому в работники, подкопим и тогда уж закупимся.

Дед хмыкнул, но расспросы прекратил. Видимо, объяснение показалось ему достаточно правдоподобным.

Телега тащилась по пыльной дороге, объезжая колдобины и лужи. Аластэр с удивлением понял, что ему нравится это ощущение. Ветер в лицо, солнце, запах травы (навоз он решил временно игнорировать), и полная, абсолютная свобода от этикета, приличий и необходимости следить за каждым своим словом.

Он откинулся на сено, заложил руки за голову и посмотрел на небо. Облака плыли медленно и важно, как советники на королевском совете. Где-то вдалеке пела птица. Ей вторила другая, и у них получался незатейливый, но приятный дуэт.

– Тэд, – мечтательно произнес Аластэр, – а знаешь, я, кажется, понимаю, почему простые люди выглядят такими счастливыми.

– Потому что им не нужно ходить на балы к герцогине фон Штайниц? – уточнил Тэд, жуя травинку. – Между прочим, она до сих пор обижается, что ты не пригласил её на танец в прошлую пятницу.

– Потому что у них есть это, – Аластэр широким жестом обвел окружающий пейзаж. – Небо, солнце, свобода. Никаких приёмов, никаких обязательств, никакой необходимости улыбаться тем, кого терпеть не можешь.

– Ага, – Тэд хмыкнул. – И никаких денег, никакой нормальной еды, никаких врачей, если заболеешь. И работа с утра до ночи, чтобы эту еду заработать. Идеальная жизнь.

– Ты всегда всё портишь своим реализмом, – обиделся Аластэр.

– Я не порчу, я отрезвляю. Ты бы ещё с крестьянами поговорил, узнал, как они радуются жизни, когда неурожай или налоги повышают. Кстати, налоги повышаешь твой папаша, между прочим.

Аластэр помрачнел. Это была правда, и она была неприятной. Его отец, граф Вальмонт, был человеком старых взглядов и считал, что налоги нужно повышать регулярно, потому что «народ должен чувствовать руку власти».

– Вот поэтому я и хочу поговорить с ними, – твердо сказал Аластэр. – Чтобы понять, что они чувствуют на самом деле. Чтобы стать лучше.

– Ну-ну, – Тэд скептически покачал головой. – Только давай договоримся: никакой философии, пока мы не выпьем хотя бы по кружке эля. На голодный желудок твои идеи становятся слишком возвышенными.

Телега тем временем миновала придорожный трактир, и Тэд оживился.

– Смотри! – он толкнул Аластэра в бок, чуть не сбросив того с сена. – «Три хромых гуся»! Я слышал, там по пятницам такие драки бывают! Столы летают, как осенние листья! Мужики друг другу морды бьют, а потом мирятся и пьют на брудершафт! Говорят, один раз трактирщик вызывал стражу, так стража тоже подралась, и её пришлось уводить силой!

– Мы едем за впечатлениями, а не за сотрясением мозга, – назидательно заметил Аластэр, но в глубине души ему стало любопытно. Драк на балах не случалось. Максимум – словесные перепалки, да и те быстро пресекались распорядителями.

– Это одно и то же! – горячо возразил Тэд. – Что может быть впечатляющее хорошей драки? Ты только представь: мы сидим, пьем эль, и тут – бах! – кому-то кружкой по голове! А потом второй заступается! А третий лезет разнимать и тоже получает! Красота!

– Ты ненормальный, – констатировал Аластэр.

– Я нормальный. Это ты у нас зануда.

Телега въехала в город, когда солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в оранжево-розовые тона. Аластэр с интересом рассматривал дома, лавки, вывески, суетящихся людей. Мир оказался куда более шумным, грязным и... живым, чем он себе представлял по книгам и рассказам.

Кто-то с кем-то ругался, размахивая руками и брызгая слюной. Кто-то продавал рыбу, которая пахла так, что щипало глаза и хо-

телось немедленно уйти. Чья-то лошадь нагадила прямо посреди улицы, и никто не спешил это убирать – прохожие просто обходили кучу, даже не меняясь в лице. Какая-то женщина вылила помой из окна прямо на мостовую, и никто не возмутился.

Двое мужиков тащили огромную бочку, матерясь так изощренно, что Аластэр, знавший три языка, покраснел. Трое ребятишек гоняли курицу, которая отчаянно кудахтала и пыталась взлететь. Курица не умела летать.

– Красота, – прошептал Аластэр. – Какая же это всё-таки красота.

– Что, вон та куча? – уточнил Тэд, кивая на лошадиное «наследие».

– Жизнь, Тэд. Это жизнь. Не вылизанная, не причесанная. Настоящая. В ней есть всё: и грязь, и крики, и этот запах, и эти люди. Они не играют ролей. Они просто живут.

– Ага, – согласился друг, спрыгивая с телеги и расплачиваясь с возницей тем самым погнутым серебром. – Настоящая жизнь пахнет именно так.

Дерьмом, рыбой и потом. Ладно, граф... то есть, Аластэр. Куда теперь? Философствовать или все-таки заглянем в «Трех хромых гусей»?

Аластэр спрыгнул следом, едва не потеряв равновесие – ноги после долгого сидения затекли, а земля оказалась ближе, чем он ожидал. Он удержался, схватившись за борт телеги, и отряхнул с себя сено.

– А что там с элями? – спросил он, вспоминая слова Тэда о трактире.

– Говорят, там сегодня подают эль, в котором можно утопить кошку, – с воодушевлением начал перечислять Тэд. – И пироги с такой начинкой, что мужики спорят, мясо это или так, пробегало мимо. И хозяин – бывший разбойник, у него вместо пальца на левой руке – крюк. Настоящий крюк! Представляешь, как он этим крючком кружки подает?

– Откуда ты всё это знаешь?

– Я готовился! Пока ты читал свои умные книжки, я общался с людьми. Между прочим, полезные знакомства. Конюх моего отца родом из этих мест. Он мне всю подноготную рассказал.

Аластэр улыбнулся. Впервые за долгое время – искренне и широко.